

— Подсолнух символизирует молчаливую любовь.

Отвечая на вопрос учителя, Янь Минъюй выпалила это без малейших колебаний.

Учитель удовлетворенно кивнул, жестом приказал ей сесть, а затем вывел мелом на доске: Подсолнухи — Ван Гог.

— Сегодня мы поговорим о картине Ван Гога Подсолнухи. Это серия работ, написанных маслом, где основным объектом выступают цветы в вазе. Он изобразил три, пять, двенадцать и пятнадцать подсолнухов...

Слушая, как учитель рисования увлеченно сыплет профессиональными терминами, ученики, словно надышавшись снотворного, начали клевать носами. Его чарующий, вкрадчивый голос казался туманом, окутывающим класс.

Послеполуденное солнце, пробиваясь сквозь окно, окрасило рисунок подсолнуха в тетради Янь Минъюй в золотистые тона. Яркий, лучистый цветок словно ожил на бумаге.

Сегодня пятница.

В десятом классе по пятницам нет вечерних занятий, поэтому сразу после второго урока можно было закинуть рюкзак на плечи и идти домой.

Только что пережив летние каникулы, свободные от домашних заданий и давления, первогодки особенно тосковали по дому и с нетерпением ждали первых выходных после начала учебного года.

— Я не тороплюсь, мне нужно кое-кого дождаться.

Янь Минъюй молча попрощалась с соседкой по парте и снова уткнулась в свой рисунок. Класс, а затем и весь учебный корпус быстро опустели. Лишь когда солнечные лучи окончательно покинули ее стол, она убрала рисунок и достала учебники.

На самом деле Янь Минъюй была не слишком близка с Цин Сюй. В детстве, когда мама привозила ее в гости к родственникам, она виделась с ней, но их матери, хоть и были сестрами, общались как обычные дальние родственники, без особой теплоты. Воспоминания о детских играх были слишком блеклыми, чтобы стать фундаментом для нынешней дружбы.

— Янь-Янь?

Закатные облака окрасили небо в багрянец, золотисто-красные отсветы запутались в густой листве деревьев, а асфальт все еще дышал дневным зноем.

Маленькая девочка, широко улыбаясь, развернула фантик и положила в рот белую конфету, бережно сжимая в кулачке яркую обертку, которую было жаль выбрасывать.

— Играем в прятки! Чур, я прячусь!

Янь Минъюй сидела у окна. На ее лице не было ни тени нетерпения, она спокойно выводила линии на бумаге.

— Ты любишь конфеты?

Она помнила свою первую встречу с Цин Сюй. Это было в праздник Середины осени. Пока тетя и мама хлопотали на кухне, их отправили поиграть.

Цин Сюй была старшеклассницей.

— Спасибо, сестренка!

Ученица выпускного класса Первой городской школы. Чистота и мягкость — вот что в первую очередь подкупило Янь Минъюй. От Цин Сюй исходил какой-то особенный, свежий аромат — как от лимонно-мятной газировки в жаркий день. Звон льдинок о стенки стакана успокаивал, и беспокойное сердце мгновенно приходило в равновесие.

— Хорошо.

— Пора домой.

Соседка по парте с жалостью взглянула на нее, поправила косу и покосилась на настенные часы.

Видя, что младшая сестренка приуныла, маленькая Цин Сюй достала из кармана конфету Белый кролик и протянула ей.

Цин Сюй носила очки в серебристой оправе, заплетала волосы в низкий хвост и одевалась просто: сине-белая футболка и школьные брюки. От нее веяло спокойствием и книжной мудростью.

Поскольку учебный год только начался, задавали не слишком много.

Поэтому, когда прозвенел подготовительный звонок, задремавшие ученики мгновенно вскочили и начали тайком собирать портфели.

На мосту Сичэн стоял гул от сигналов автомобилей, а вечерний ветер, приносивший соленый морской бриз, разгонял душный зной, от которого страдали прохожие.

Три часа пятьдесят девять минут.

— Как прошел день?

Янь Минъюй заправила прядь волос за ухо и кивнула:

— Неплохо.

— ...Относитесь к семье с благодарностью, к людям — с добротой, к жизни — с пылом... Наслаждайтесь искусством, глядя на него с восхищением, подобно тому, как любят цветущим подсолнухом.

Прежде чем последние отблески заката погасли, Янь Минъюй дописала последнее слово, закрыла колпачок ручки и убрала тетрадь в ящик стола.

Тогда, увидев конфету, она была так ошеломлена, что забыла ее взять. Но Цин Сюй, не дожидаясь ответа, сама вложила сладость ей в ладонь.

Раздался знакомый голос. Янь Минъюй обернулась и увидела в дверях стройную девушку с книгами в руках.

Когда учитель рисования закончил свою пламенную речь, прозвенел звонок. Не обращая внимания на старосту, напоминавшего о домашнем задании, ученики шумной толпой хлынули из класса, словно на свободу.

Здание школы наполнилось гулом.

Осталась одна минута.

Янь Минъюй, опустив голову, шла за девушкой, которая была чуть выше нее, вдыхая прохладный вечерний воздух и остатки сентябрьского зноя. Мимо проносились машины, поднимая облака дорожной пыли.

— Эй, занятия кончились, почему не собираешься? — соседка по парте с косичками толкнула ее локтем в бок и многозначительно подмигнула.

Цин Сюй послушно повела семилетнюю Янь Минъюй гулять к воротам.

Янь Миньюй перевела взгляд на учителя, а про себя начала обратный отсчет.

— Если что-то гложет, можешь рассказать мне.

В детстве Янь Миньюй редко ела конфеты. Взрослые говорили, что их дают только за хорошее поведение. Но она никогда не была лучшей, поэтому ей оставалось лишь смотреть, как сладости достаются другим, а ей в руки попадали лишь выброшенные на землю разноцветные фантики.

Ветер растрепал челку, она непослушно плясала у самых глаз. Девушка, идущая впереди, обернулась, и в ее голосе сквозила искренняя забота.

Вокруг слышалось шуршание тетрадей.

Не успела конфета растаять во рту, как из переулка выскочили мальчишки. Казалось, они были знакомы с Цин Сюй. Они окружили ее, смеясь:

— Поиграешь с нами в прятки?

Маленькая Миньюй стояла за спиной сестры, сосредоточенно расправляясь с конфетой, и не заметила, как лицо Цин Сюй внезапно побелело. Лишь когда сестра без предупреждения рухнула на землю, она поняла, что случилось что-то страшное.

— Се-сестренка... что с тобой? — пробормотала она с полным ртом.

— Прячься! Прячься! — мальчишки захлопали в ладоши и, словно только этого и ждали, с визгом разбежались в разные стороны.

Позже, с трудом дотащив сестру до дома и рассказав обо всем, она увидела, как тетя бросилась на кухню, чтобы дать Цин Сюй воды и лекарство. Позже им пришлось ехать в больницу.

Ужин тогда не задался. Сейчас, вспоминая тот вечер, она видела лишь полную луну и карман, полный конфет Белый кролик, которые Цин Сюй тайком сунула ей перед уходом.

Потом они изредка общались, но это были лишь дежурные фразы, положенные родственникам. А после того как мать Цин Сюй вышла замуж во второй раз, они не виделись несколько лет.

— Дзынь.

Двери лифта открылись.

Это была квартира рядом со школой, в самом удобном районе — добраться до занятий было проще простого.

С начала учебного года Янь Миньюй жила здесь вместе с Цин Сюй. Квартиру сняла мама Цин Сюй, чтобы той было удобнее готовиться к экзаменам.

А появление здесь Янь Миньюй было случайностью.

Три месяца назад.

Весь город стоял на ушах: заканчивались экзамены в девятом классе. Сдав последний предмет, ученики могли поставить жирную точку в своей трехлетней школьной жизни — наконец-то выдохнуть, оторваться на каникулах, а затем уверенно шагнуть в новую, яркую жизнь старшеклассников.

Три часа дня.

Как гласит пословица: если дождь пойдет в начале сезона слив, сорок пять дней солнца не видать. Конец июня — время затяжных дождей. Влажный зной окутывал землю, школа погрузилась в напряженную тишину, нарушаемую лишь стрекотом цикад да шелестом листвы.

Янь Миньюй стояла у школьных ворот. Учительница положила руку ей на плечо, пытаясь успокоить:

— Ничего страшного, у тебя есть еще пятнадцать минут, не волнуйся, я верю, что ты справишься...

Она закусила губу. Внешне спокойная, внутри она была готова взорваться от самобичевания.

Днем, вернувшись домой после экзамена по математике, она положила пропуск и пенал на журнальный столик, собираясь еще раз просмотреть конспекты, и в спешке забыла проверить сумку. Только придя в школу, она обнаружила, что пропуска нет.

Последним экзаменом был английский. Если пропустить его, то не то что в Первую городскую, а даже в обычную сельскую школу путь будет заказан.

Как же она могла быть такой растяпой...

Янь Миньюй сжала кулаки до боли, готовая отвесить себе пощечину.

Прошло пять минут. По радио начали передавать аудирование. Каждое слово звучало как нож,

вонзающийся в сердце, насмехаясь над ее глупостью.

На лбу выступил холодный пот, спина промокла.

На пустой улице лишь ряды деревьев да безмолвные фонари. Родители, привезшие детей, сидели на корточках в стороне, молча курия в ожидании новостей. Заметив ее в школьной форме, они начали шептаться:

— Ой, смотри, кажется, забыла пропуск и не попала на экзамен. Жалко-то как, последний предмет ведь... Хорошо, что мой взял все документы, а то как бы в старшую школу пробился!

— Сама виновата, настрой на экзамен тоже важен. Кто же так рассеянно к этому относится? Пусть будет уроком!

— Говорят, в прошлом году один ученик тоже забыл пропуск, его не пустили, пришлось пересдавать через год...

Услышав это, Янь Минъюй в стыде опустила голову.

Вдруг учительница коснулась ее плеча. Янь Минъюй подняла взгляд и увидела знакомую фигуру, бегущую к ним. Мама, задыхаясь, протянула ей пропуск.

— Минъюй, не волнуйся, просто сдай хорошо, давай, вперед! — даже не переводя дыхания, она продолжала подбадривать дочь.

Янь Минъюй, сжимая пропуск, влетела в класс, на бегу пытаясь вспомнить начало аудирования. Ее нервы были натянуты как струна, адреналин зашкаливал, всё внимание было приковано к записи.

Когда она коснулась бланка, ее до сих пор трясло. Аудирование уже шло к концу. Не успев перевести дух, она с головой ушла в работу.

Конечно, это сказалось на результате: многие ответы были неуверенными, а сочинение получилось скомканным.

Но для нее тогдашней эти сожаления уже ничего не значили.

Вернувшись домой после экзамена, она не успела даже передохнуть, как раздался телефонный звонок. Звонила тетя.

— Минъюй, твоя мама...

Дальше она слышала все как в тумане. До нее долетали лишь обрывки слов: авария, больница, критическое состояние.

Когда она примчалась в реанимацию, лампа над дверью погасла. Врач, выйдя из операционной, снял маску.

— Кто родственники больной?

Женщина, сидевшая на стуле, вскочила:

— Я ее сестра.

Заметив застывшую в стороне Янь Минъюй, мама Цин Сюй потянула ее за собой:

— Это ее дочь.

Врач взглянул на девочку и покачал головой:

— Острая почечная недостаточность, большая потеря крови, перелом черепа и грудной клетки. Мы сделали все, что могли, но она вряд ли доживет до утра.

Янь Минъюй почувствовала, как леденеет от головы до пят. Она не могла в это поверить. Человек, который еще три часа назад привез ей пропуск, был жив, а теперь...

Июньский зной был в самом разгаре, сезон дождей приносил невыносимую духоту. Но в реанимации воздух был ледяным, от него пробирал озноб.

Янь Минъюй в защитном халате смотрела на мать, лежащую на столе. Ее грудь была неподвижна, лицо запеклось кровью, жизни в ней больше не было.

Это был момент, когда положено рыдать, но Янь Минъюй не чувствовала ничего, кроме пустоты, в которой эхом отдавался гул кондиционера.

Она так и стояла, пока время посещений не истекло.

— Кто здесь Янь Фан? Подойдите, распишитесь и пройдите попрощаться, — сказал врач.

— Я... — мама Цин Сюй замешкалась, поднялась и пошла за врачом менять халат. Заметив оцепенение Янь Минъюй, она с жалостью погладила ее по голове.

— Сяо Сюй, отведи Минъюй домой, я тут сама со всем разберусь.

— Хорошо.

Цин Сюй подошла к ней и взяла за руку.

На грудь Янь Минъюй словно навалилась каменная глыба, перекрывая дыхание. Казалось, даже слезные протоки забились — она не могла заплакать. Она чувствовала себя бессердечной тварью: человек, который растил ее, ушел навсегда, а у нее не нашлось даже капли слез.

— Люди, доведенные до края горя, часто не могут плакать. Мозг просто отключается, чтобы защитить тебя. Это не твоя вина.

Цин Сюй пыталась ее утешить.

Янь Минъюй не помнила, как прошла та ночь. В памяти осталась лишь бесконечная тьма, углы, покрываемые плесенью, и облака, сгущающиеся в туман — точно чернила, пролитые на белую бумагу, расползающиеся и поглощающие все вокруг.

<http://bllate.org/book/18854/1838539>